

К 81
Б-24

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

В. Ф. БАРАШКОВ

**РУССКИЙ ГОВОР СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ
КАРСОВАЙСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ АССР**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
профессор **И. Г. ГОЛАНОВ.**

Огромные пространства, на которых распространен русский язык, в значительной степени обусловили то, что и до настоящего времени, несмотря на грандиозную работу, проводимую по изучению отдельных говоров, у нас имеются целые территориальные районы, в диалектологическом отношении совершенно не изученные. К числу таких районов относится, в частности, обширная территория в верховьях реки Камы, начиная от истоков последней. По современному административному делению этот территориальный район относится к Кировской области и Удмуртской АССР, составляя их крайний северо-восточный угол, граничащий на значительном протяжении с Коми-Пермяцким национальным округом.

В диалектологической литературе по существу совершенно отсутствуют какие-либо конкретные сведения о русских говорах данной территории. Лишь в некоторых работах историко-этнографического характера встречаются общие замечания о том, что:

1. русские говоры в верховьях реки Камы не могут быть отнесены к числу типичных «вятских»;
2. русская речь на данной территории претерпела известные изменения в связи с воздействием нерусского этнического элемента.

Подобного рода замечания встречаются у ряда авторов.¹ Высказанные в самой общей форме, такие замечания нуждаются в тщательной проверке и в подтверждении соответствующим фактическим материалом.

¹ См. Н. Романов, Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнем столетии, «Столетие Вятской губернии», т. II, Вятка, 1881 г., стр. 744; П. Сорокин, Чудь Кайского края, Вятка, 1895; Д. К. Зеленин, Вятское наречие, Приложение к «Вятским губернским ведомостям», 1904, № 104 и нек др.

Вместе с тем они вызывают вполне оправданный интерес как к процессу исторического формирования современного русского населения Верхокамья, так и к русским говорам данного территориального района. Последние, на основании сказанного, могут представлять значительный научный интерес с одной стороны, в плане выявления их системы и свойственного ей своеобразия, что совершенно не получило отражения в литературе; с другой — в плане выяснения тех историко-языковых процессов, которыми сопровождалось формирование этих говоров.

Непосредственным объектом исследования в диссертации явился русский говор девяти селений северной части Карсвайского района Удмуртской АССР, расположенных непосредственно по истокам р. Камы — на территории, составляющей южную окраину Верхокамья. Автором в 1954—57 г.г. были обследованы здесь: д.д. Мартеленки, Киршонки, Митино, Ягварь — в Сизевском сельсовете; с. Сергино, д.д. Гаревская и Петровцы — в Сергинском сельсовете; с. Север и д. Павлушата — в Новоселовском сельсовете.¹

Население обследованных пунктов является русским. Лишь в Севере, Павлушатах и Ягваре проживают по две — четыре семьи удмуртов. Русским является большинство населения вообще в северной части Карсвайского района. Южную часть района в основном населяют удмурты. Удмуртские селения имеются на территории Сизевского и Новоселовского сельсоветов.

В тридцати пяти—сорока километрах севернее Сергинского сельсовета, вниз по Каме, находятся селения Зюздинских коми, говорящих на зюздинском диалекте коми языка.

Конкретные задачи, которые ставились при изучении данного говора, могут быть сведены к следующему:

1. дать описание говора с преимущественным упором на традиционную систему его;
2. определить, в каком отношении находится исследуемый говор к другим русским говорам Вологодско-Кировской (Восточной) группы севернорусского наречия;
3. выяснить, хотя бы частично, те черты и явления описываемого говора, которые могли возникнуть в нем в

¹ На территории Сизевского сельсовета в 1955 г. под руководством автора работала диалектологическая экспедиция Глазовского пединститута. Материалы ее учитывались и в диссертации.

результате своеобразного исторического формирования его носителей.

Диссертация состоит из «Введения» и четырех глав. В «Приложениях» даются «Материалы для словаря говора» (около 500 слов), образцы разговорной речи и список изученной литературы.

Во «Введении», кроме обоснования целей и задач работы, предмета и методов исследования, подробно рассматриваются вопросы заселения и освоения северной части Карсвайского района Удмуртской АССР, а также вопросы, связанные с процессом исторического формирования современного русского населения обследованной местности.

На основании изученной литературы, архивных данных и сохраняющихся до настоящего времени в памяти местных старожилов преданий, связанных с возникновением отдельных селений, в диссертации делаются следующие выводы:

1. Заселение северной половины Карсвайского района происходило в основном на протяжении XVIII века и шло со стороны Зюздина — из мест, где значительная часть населения в то время относилась к коми-пермяцкой народности;
2. Исторически часть предков, быть может даже большая, древнейшего слоя современных русских жителей обследованной территории, по-видимому, также восходит к коми-пермяцкой народности;
3. Наряду с коми-пермяками, в XVIII веке северная половина Карсвайского района заселялась в какой-то степени этнически смешанным коми и русским населением. Последнее было возможно потому, что в северной части Верхокамья прочные связи не только культурно-экономического, но и родственного характера между проживавшими там коми и русским населением, шедшим со стороны Вологды и Вятки, существовали уже в конце XVI — в начале XVII в.
4. Процесс формирования всех групп древнейшего слоя современных русских жителей северной половины Карсвайского района как населения русского в основном был завершён ко 2-й половине XIX века, когда произошло ещё большее усиление культурно-экономических и родственных связей местных жителей с русскими переселенцами, приток которых в Верхокамье заметно уве-

личился в начале XIX века со стороны центральных уездов бывшей Вятской губернии.¹

Во «Введении» рассматриваются также некоторые данные о положении местного крестьянства в дореволюционный период и о тех изменениях, которые внесла в экономическую и культурную жизнь района Великая Октябрьская социалистическая революция.

В первой главе диссертации—«Очерк фонетической системы говора»—описывается звуковой строй говора. Отмечается, что по характеру вокализма описываемый говор относится к числу таких севернорусских говоров, в которых:

1. Состав и качество гласных фонем в сильной позиции ударенного слога (не между мягкими согласными) являются такими же, что и в русском литературном языке; здесь отсутствуют особые фонемы О — закрытое и Э — закрытое, встречающиеся в ряде севернорусских говоров;

2. Гласные фонемы различных безударных слогов в количественном отношении лишь незначительно отличаются от соответствующих гласных ударенного слога и по существу не различаются между собою в этом отношении;

3. Степень употребительности отдельных гласных и связанное с этим общее своеобразие вокализма говора определяются изменениями гласных в зависимости от соседних твердых и мягких согласных.

К наиболее ярким диалектным особенностям говора, до настоящего времени довольно устойчиво сохраняющимся в его традиционном слое, относятся следующие: 1) оканье как различие безударных О и А; 2) употребление в соответствии с древнерусским ЯТЕМ гласной И перед мягкими согласными в ударных и предударных слогах и гласной Э перед твердыми согласными и на конце слова; 3) изменение гласной А в Э между мягкими согласными в ударных и безударных слогах; 4) факультативное использование в предударных слогах после мягких согласных перед твердыми гласной Э в соответствии с этимологическим А (вз'эла́, пл'эса́т'); 5) непоследовательность в употреблении гласных О и Э после мягких согласных перед твердыми в предударных слогах, причем

¹ Подробнее об историческом формировании носителей исследуемого говора см.: В. Ф. Барашков, О русском говоре северной части Карсвайского района Удмуртской АССР, Ученые записки Глазовского пединститута, вып. VII, 1958 г.

гласная О в данном положении чаще употребляется после щипящих; 6) спорадическое употребление гласной У вместо О в предударных слогах между твердыми согласными, когда один из последних является губным или заднеязычным (пуш-тó, пужáлуста, мугутá).

Консонантизм говора характеризуют следующие основные диалектные явления: 1) мягкость аффрикат Ц и Ч и смешание их в употреблении (ц'улк'й, зац'эм, ц'óрной; от'эч', м'эл'н'ич'а); 2) факультативная шепелявость мягких свистящих (с''эно, с''и-н'ó, воз''м'й, з''эт'); 3) замена в ряде слов фонемы Х и сочетания ХВ фонемой Ф (ф'ир'урк, ф'утор, ф'ойа, ф'ос), 4) отсутствие в начале слов перед губными и переднеязычными согласных В, Ф и М (нóго, м'йс'т'э); 5) вставка Т между С и Р при стечении двух последних согласных внутри слова (стр'эсвá, стру́п, стра́зу); 7) твердость конечных губных согласных; 8) упрощение групп согласных на конце слова; 9) широкое распространение ассимиляции йота с предшествующим мягким согласным (св'йн'н'á, п'ит'т'ó, собрán'н'о).

При описании консонантизма говора привлекаются с целью сопоставления некоторые явления коми языка, в частности зюздинского диалекта коми языка, с которым носители описываемого говора имели генетическую связь. Здесь же делаются замечания относительно происхождения отдельных диалектных явлений говора в области консонантизма. Так, в частности, отмечается, что ассимиляции ЙОТА с предшествующим согласным могла возникнуть и получить распространение в говоре лишь в результате развития последнего во взаимодействии с коми языком.

Во второй главе диссертации — «Из морфологии говора» — последовательно, в порядке традиционно выделяемых частей речи, описывается морфологический строй говора.

К числу диалектных явлений, наиболее ярко характеризующих морфологию говора, могут быть отнесены следующие.

1. **В категории имен существительных** наблюдаются некоторые колебания, а частично и устойчивые расхождения по сравнению с русским литературным языком в отнесении отдельных слов к тому или иному грамматическому роду (прóлуп.—м. р., тóпол', картóф'эл', лóс', л'йтра, м'этра, прóса и др.—ж. р.; б'эр'óсто, крокод'йло, конопл'ó — ср. р.). Существительные среднего рода с основой на мягкий согласный в им.—вин. падежах ед. числа имеют безударное окончание О (пóл'о, мóр'о,

собрáн'н'о и под. ; группа разносклоняемых существительных совпадает в говоре в падежном словоизменении с существительными среднего рода (вр'эм'о—вр'эм'а—вр'эм'у и т. д.). Некоторые существительные женского рода, имеющие в русском литературном языке основу на мягкий согласный, изменяются в говоре по женскому склонению на —А (ц'эр'ква, с'в'экрóфка, пост'эл'а). У существительных мужского рода в родительном падеже ед. числа значительно шире, чем в литературном языке, распространена флексия У (у мог'йл'н'ику, ис колхóзу, до проу́лку, от с'в'инар'н'ику). Существительные третьего склонения имеют в род., дат., предложном падежах единственного числа флексию Э (у лоша́д'э, из-за гра́н'э).

Формы множественного числа имен существительных характеризуются в говоре более широким, чем в русском литературном языке, распространением флексии А у слов мужского рода в именит. падеже (жыт'эл'á, волосá, аг'энтá и под) и флексии —ОФ у слов мужского и среднего рода в родит. падеже (дожжóф, гужóф, с óкноф, п'йс'моф)

В области словообразования имен существительных говор характеризуется широким распространением суффиксов —ОНОК, —ОНК — и, АТ—а для образования названий детенышей, в том числе детей человека по имени отца, и суффикса ИХ—а для образования прозвищ женщин по имени мужа (ван'óнок, гр'ишóнок, вас'óнок, ван'иха, п'эт'иха и т. д.).

2. В категории имен прилагательных для говора характерно безударное окончание ОЙ в формах именительного падежа единственного числа мужского рода (х'йтрой, нóвой); флексия—ОВА (изредка—ОВО) в формах родительного падежа единственного числа у слов мужского и среднего (красно́ва, до́брова и т. д.); флексия—ЫЙО (—ИЙО) в родительном падеже единственного числа у прилагательных женского рода (у ц'орныйо кроп'ывы красны бывáют ц'в'эты); флексия—ИМ'А в творительном падеже множественного числа у прилагательных с основой на заднеязычные, а в отдельных случаях и у прилагательных, имеющих основу на другие согласные (друг'йм'а огоро́ццам'и, с л'удным'а и под.).

Развивавшиеся на базе притяжательных прилагательных названия населенных пунктов на —ОВ (—ОВО), —СК, (—СКО) склоняются в говоре по типу притяжательных прилагательных (св'эрло́фско—св'эрло́фскова—св'эрло́фскому).

Простые формы сравнительной степени образуются в го-

воре при помощи суффиксов —ЭЙО, —ЭЙЭ, —Э; вместо форм превосходной степени обычно используются формы элятива.

В ряде прилагательных ударение переносится по северно-великорусскому типу на флексию (толсто́й, гр'эзно́й).

Широко распространены в говоре стяженные формы имен прилагательных женского и среднего рода в именит. и винит. падежах единственного числа; у всех прилагательных множественного числа в этих же падежах (болотна р'йц'ка, йэро́ва́ солóма, в сыру́-ту в'óсну; иэло́во кор'йó, ста́ры са-пог'й).

3. Категория имен числительных характеризуется в говоре тем, что числительное ОДИН в предложном и творительном падежах единственного числа имеет форму ОДН'ЭМ (с ударением на Э); это же числительное в именительном и винительном падежах множественного числа имеет форму ОДН'Э (с ударением на Э); у количественных числительных от 5 до 20 отсутствует особая форма творительного падежа; наконец, собирательные числительные имеют в творительном падеже форму на М'А (з двоййм'а, с п'эт'эрым'а).

4. У личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном падеже, наряду с формами м'ин'á, т'иб'á, сохраняются формы М'А, Т'А; личное местоимение 1-го лица единственного числа употребляется в дательном падеже как в форме МН'Э (с ударением на Э), так и в форме М'ИН'Э (с ударением на Э); личное местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода имеет одинаковые формы для творительного и предложного падежей (с йóм из'д'ила; вм'йс'т'э с йóм рабóтал; за йóм жо б'эжы́т; на йóм из'д'ил'и; в йóм та́к бы́ло); преобладающими формами косвенных падежей личного местоимения 3-го лица единственного числа женского рода являются формы ЙЭЙ, ЙОЙ, которые нередко употребляются и в родительном падеже (у йэй в'эт' д'йт'и мно́го; шы́пко б'эгал'и к йэй; уц'ит'эл'á н'эколды́ иэй н'э поху́л'ат).

Личное местоимение 3-го лица множественного числа устойчиво употребляется в говоре в форме ОН'Э (с ударением на Э); у местоимения 3-го лица множественного числа в дательном падеже, наряду с формой ИМ, употребляются формы ИМ'А, ИМ'АМ; форма ИМ'А устойчиво сохраняется в твори-

тельном падеже (н'эдава́л им'а́м; борáн'ивал им'а́; н'эохóта ста́ло сым'а́ жы́т'то).

Состав неличных местоимений характеризуется в говоре наличием таких слов, как: йэво́нной, йхн'ой, на́шинской, э́дакой и др.

5. У глаголов на заднеязычные согласные распространены формы инфинитива на —ЧИ (—ЦИ); более широко, чем в русском литературном языке, распространены видовые образования с суффиксами —ИВА (—ЫВА); согласная возвратной частицы ассимилируется с предшествующей согласной личного окончания глагола во 2-м лице единственного числа (соб'ира́шша); факультативно отсутствует чередование конечных согласных основы у глаголов 2-го спряжения в 1-м лице единственного числа (ск'ип'эт'у́, по́рт'у́); во 2-м лице множественного числа у глаголов 1-го спряжения употребляется окончание —ИТ'Э с ударением на конечной гласной.

В говоре распространено стяжение гласных в личных формах глаголов (сн'имáт, игрáт) и наблюдаются некоторые колебания в употреблении невозвратных и возвратных форм глагола.

6. В говоре выделяется значительная по количественному составу группа наречий, отличающихся от соответствующих литературных дублетов своим звуковым оформлением и морфологическим строением (куды́, толды́, докúл', внутр'э́, изда́л'э́, побли́жност'и и под.); в составе наречий здесь имеется также значительная группа слов, отсутствующих в русском литературном языке, но широко представленных во многих севернорусских говорах (лон'и́, д'э́рко, по́ло, ба́ско, с'о́годы, ководн'а́с', д'и́вно, ос'э́н'э́с' и др.).

Можно отметить также, что небольшая группа наречных слов, употребляемых обычно в качестве главного члена безличного предложения, характеризуется в говоре наличием словообразовательного элемента К (в'и́тко, бо́л'ко, зна́тко, об'ихо́тко и под.).

7. В разделе, посвященном анализу категорий слов, не имеющих номинативного значения, отмечается, что в говоре наличествует ряд слов, отсутствующих в русском литературном языке. Так, здесь довольно часто используется частица НАЛЕ, имеющая усилительное значение, близкое к значению частицы ДАЖЕ: ну, н'а́л'э́ о́ба пр'ишл'и́; на́л'э́ т'эц'о́т с м'ин'а́.

Иногда частица НАЛЕ приобретает вопросительное значение, подобное значению частицы РАЗВЕ: т'эплó там нáл'э? Широкое распространение имеют в говоре частицы **ИНО**, **ТОЖНО**, **НАШТО**, **ЛЕСЬ**, **РОВНО**, **ПОДИ**, **КАБЫТЬ** и нек. др.

Состав междометий в говоре характеризуется наличием таких слов, как **ВЫЙ**, **МАСЬ**, **МАЙ**, **ВЫЙ НАЛЕ**, отсутствующих не только в русском литературном языке, но, как можно полагать, и в большинстве других севернорусских говоров.

Анализ диалектных явлений говора в области морфологии показывает, что в нем нет морфологических категорий, которые бы не были свойственны русскому языку вообще и, в частности, русскому литературному языку.

Те явления, которые отличают морфологическую систему говора от морфологической системы русского литературного языка, в той или иной степени носят частный характер и, будучи присущи многим севернорусским говорам, находят свое объяснение в истории русского языка. Не нарушая русской основы морфологического строя говора, эти явления касаются лишь внешнего оформления отдельных грамматических категорий, причем и во внешнем оформлении не выходят за пределы тех формальных средств, которые вообще известны русскому языку, и, в первую очередь, севернорусским говорам.

Исследование морфологического строя русского говора северной части Карсвайского района Удмуртской АССР может служить серьезным свидетельством того, что при взаимодействии неродственных языков, обусловленном смешением различных этнических групп населения, морфологическая система языка победившего оказывается наименее проницаемой из всех структурных звеньев языковой системы. Это замечание, в частности, может быть полностью отнесено к тем случаям, когда взаимодействующими оказываются языки с совершенно различными по типу морфологическими системами, как и в данном случае, в котором взаимодействующими оказались русский язык, имеющий в основном флективный морфологический строй, и один из угрофинских языков с агглютинативным строем.

Как результат взаимодействия неродственных языков, по отношению к исследуемому говору в области морфологии может быть отмечено лишь некоторое расширение принципа аналогии в образовании отдельных грамматических форм, что в

известной степени и не могло не сказаться на частичном своеобразии говора в оформлении отдельных грамматических категорий, например, в образовании некоторых падежных форм личных местоимений.

В третьей главе диссертации—«Из наблюдений над синтаксисом говора» — рассматриваются некоторые синтаксические диалектные явления, характеризующие описываемый говор. Из числа диалектных явлений, характеризующих синтаксический строй говора, можно отметить следующие:

1. В глагольных словосочетаниях с предлогами ПОДЛЕ, ВОЗЛЕ зависимое имя существительное имеет в говоре форму винительного падежа: сто́йт подл'э бру́с-от; Ф'о́дор во́з'л'э грóп ид'о́т;

2. Глагольные словосочетания с зависимым именем существительным, имеющим общее значение цели действия, употребляются с предлогом ПО: по ц'о́ она́ была́? — по д'э́н'г'и; по ко́ром д'э́ из'д'ила; по ко́н'и ушо́л;

3. В словосочетаниях с предлогом ПРОМЕЖ, МЕЖ зависимое имя существительное отмечено как в форме винительного, так и в форме творительного падежей: пром'э́ш но́г'и прошо́л; м'э́ш кусты́ бы́л'и; м'э́ш омба́рам'и;

4. Отмечено в описываемом говоре и такое явление, как повторение предлогов: ишо́ с с'им'ом с конопл'а́ным ва́р'ат; пр'ий'э́хал со стороны́ з бо́йкой; Онф'и́са, поб'э́гай по м'э́р'ина по Аму́ра.

5. Распространенными являяются в говоре словосочетания, в которых зависимое имя существительное, обозначающее место, откуда исходит действие, указанное глаголом, употребляется в форме родительного падежа, с предлогом С: з го́роду пр'ий'э́хал; с кл'уцу́ ношу́ во́ду.

6. В словосочетаниях с глаголами КУПИТЬ, СПРОСИТЬ зависимое имя существительное или местоимение употребляются в говоре в форме родительного падежа с предлогом ОТ: от ково́ куп'и́ла солóму-ту? н'э́ спрос'и́ла от йэво́.

7. В соответствии с субстантивными словосочетаниями русского литературного языка с зависимым именем существительным в форме родительного падежа без предлога, выражающими принадлежность по родственным отношениям (брат мужа, дочь сестры), в говоре широко распространены словосочетания с предлогом У при форме родительного падежа зависимо существительного (брат у мужа, дочь у сестры):

платон—это братан у йэво; фófан'иха у с'т'эпана с'эстра и под.

8. Факультативно в речи представителей традиционного слоя говора наблюдается пропуск предлогов. Так, нередко отсутствует предлог **В** при формах винительного падежа зависимых имен существительных: йз'д'ил д'э сверлóфско; н'э хóд'ат л'эс-от; кáк м'ин'э сп'йну т'áпн'эт.

Был отменен пропуск предлогов также при формах дательного и местного падежей зависимых имен существительных: сход'йл п'эт'ихэ-то? айдá мол бáбушк'е; л'энка контóр'э работат и под.

9. В сочетаниях со словами **МНОГО, МАЛО, ЛЮДНО, СКОЛЬКО**, а также с существительными, имеющими значение меры, зависимые имена существительные употребляются не в родительном, а в именительном падеже; т'ут у нáс уц'ен'ик'й-то мáло, д'эфч'óшк'и л'удно б'ыл'и; шы́пко мнóго кóром куп'йл'и он'э; водá нóго нанóшэна; кургáн сóлот; вóс дровá; дв'э м'этры товáр и под.

10. Спорадически формы именительного падежа вместо родительного зависимых имен существительных употребляются в говоре в конструкциях с глаголом **ХВАТАЕТ** (достаточно): хвát'ила л'и водá-та? нóч'-та хвát'ит выспац'ц'а; а гúбы хвát'áйт в'эт' ишó (а грибов хватает...);

11. Широко распространены в говоре отрицательные предложения со значением отрицания бытия, наличности, в которых имя существительное, обозначающее отрицаемое, используется также в форме именительного, а не родительного падежа. При этом формы именительного падежа имен существительных, обозначающих отрицаемое, преобладают при отрицательном слове **НЕТ**: с'н'эг-от н'э' был; крýша-та н'э стáла; хоз'эин н'эт; сýп н'эту бóл'шэ; од'йн отвáл н'эту ишó; сýла-то н'эту бóл'шэ и др.

12 Яркой диалектной особенностью, характеризующей синтаксический строй говора, являются широко представленные в нем конструкции с предикативными страдательными причастиями прошедшего времени, образованными не только от переходных, но и от непереходных глаголов. Типы таких конструкций в говоре разнообразны. Здесь, в частности, встречаются предложения, в которых предикативные страдательные причастия прошедшего времени употребляются и в полной и в краткой форме. Краткие страдательные причастия в свою

очередь могут иметь согласованную форму и форму среднего рода. В каждом из отмеченных случаев предложения с краткими страдательными причастиями могут быть разделены на такие, в которых: имеется слово, обозначающее лицо действующее или лицо (предмет), испытывающее состояние, указанное предикатом—причастием; такого слова нет.

По значительному распространению конструкций с предикативными страдательными причастиями прошедшего времени исследуемый говор находится в ряду со многими севернорусскими говорами. Однако в нем относительно редко встречаются обороты, в которых действующее лицо обозначено формой родительного падежа с предлогом *У* и совсем не отмечены формы творительного падежа действующего лица при предикативных причастиях.

Есть основания полагать, что это связано с общим для севернорусских говоров процессом, выражающимся в замене указанных падежных форм, служащих для выражения деятеля, формами именительного падежа.

Вместе с тем большей интенсивности этого процесса в говоре, быть может, способствовало то, что в нем формы именительного падежа вообще имеют расширенное употребление по сравнению с русским литературным языком.

Последнее, как показано выше, особенно ярко проявляется в некоторых типах отрицательных предложений и в количественно-измерительных словосочетаниях. Анализ тех и других с привлечением данных литературы дает основание предполагать, что они, хотя и встречаются в настоящее время в некоторых севернорусских говорах, все же ограничены в своем распространении относительно узкими территориями на северо-востоке Европейской части СССР и в некоторых местностях Сибири.¹

Данные истории русского языка, в том числе и письменных памятников, показывают, что древнерусскому языку по существу не известны были указанные особенности.

В то же время форма именительного падежа зависимого слова вместо родительного оказывается единственно возможной в указанных конструкциях (при отрицательном слове

¹ Подробнее о конструкции с именительным падежом отрицаемого при слове *НЕТ* см.: В. Барашков, Об одной разновидности отрицательных предложений в севернорусских говорах, Ученые записки Глазовского пединститута, вып. IV, 1957 г.

НЕТ и в количественно-измерительных словосочетаниях) не только в коми, но и в удмуртском языке. Ср:этша лун—букв. мало день; килограмм нянь — килограмм хлеб; уна турун — букв. много сено; кык морт — букв. два человек: нянь абу—букв. нет хлеб (коми язык). Книга öвöl—букв. книга нет; нянь öвöl — букв. хлеб нет; трос ву — букв. много вода (удмуртский язык).

В результате детального анализа количественно-измерительных словосочетаний и конструкций с отрицательным словом НЕТ в диссертации делается вывод о том, что как возникновение, так и широкое распространение в исследуемом говоре форм именительного падежа в предложениях со словом НЕТ и в количественно-измерительных словосочетаниях стало возможно лишь на основе развития этого говора во взаимодействии с языками угрофинской семьи и, в первую очередь, во взаимодействии с коми языком.

В четвертой главе диссертации—«Замечания о формировании говора и его месте в системе русского языка»—выясняется место исследуемого говора в системе русского языка и, прежде всего, в системе севернорусского наречия, а также рассматриваются некоторые вопросы, связанные с его формированием.

Отмечается, что приведенный в соответствующих разделах работы фактический языковой материал показывает, что исследуемый говор по абсолютному большинству своих явлений представляет один из типичных по существу севернорусских говоров.

Часть диалектных явлений этого говора, отличающих его от русского литературного языка, характерна для всего севернорусского наречия в целом, часть — для определенных, преимущественно вологодско-кировских, говоров этого наречия.

Так, в исследуемом говоре устойчиво и последовательно проявляются все те диалектные черты, которыми характеризуется севернорусское наречие в целом, а именно:

- 1) Различение гласных фонем «А» и «О» в безударных слогах;
- 2) взрывное образование заднеязычной фонемы «Г»;
- 3) возможная утрата интервокального йота с последующей ассимиляцией и стяжением гласных;

4) формы родительного—винительного падежей личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа на —А;

5) формы глаголов 3-го лица настоящего и будущего времени оканчивается только на твердое Т.

Наряду с этим, исследуемый говор характеризуется наличием многих из тех диалектных явлений, которые присущи значительной части севернорусских говоров, в том числе и тем из них, которые относятся к Вологодско-Кировской группе (еканье, заударное ёканье, наличие фонемы Ф, наличие твердых долгих шипящих, ассимиляцией сочетаний ДН и БМ, формами дат.—предложного падежей ед. числа существительных третьего склонения на —Э, формами родительного падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода на —ОВА и нек. др.).

Как отмечалось, в диссертации не дается систематического описания словарного состава говора; однако «Материалы для словаря говора», содержащиеся в «Приложениях», свидетельствуют, что диалектный пласт лексики представлен в говоре многими словами, имеющими довольно широкое распространение в севернорусских говорах вообще. Ср., например, такие из числа употребляемых здесь диалектных слов, как: баской, баять, виця, губы, голбец, зарод, красна, крошни, лони, лопоть, лыва, людно, оболочка, падера, пестунья, пестерь, поло, порной, порос, рёлка, сёгоды, стожар, туесок, угор, хрушкой и др.

К говорам Вологодско-Кировской (Восточной) группы севернорусского наречия исследуемый говор оказывается близким и по таким диалектным явлениям, как: употребление в соответствии с древнерусским ЯТЕМ гласного И в ударных и предударных слогах перед мягкими согласными; перенос ударения на конечную гласную окончания в глаголах 2-го лица множественного числа настоящего времени и нек. др. Это находит подтверждение и в данных диалектной лексики говора.

Говоря о близости русского говора северной части Карсвайского района Удмуртской АССР к севернорусским говорам Вологодско-Кировской группы, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что в нем отсутствует целый ряд диалектных явлений, считающихся типичными для части говоров названной группы. К числу таких явлений могут быть отнесены: произношение под ударением закрытых О и Э, переход в конце слова и

слога согласных В и Л в У —неслоговое, смягчение заднеязычных в положении после мягких согласных и ЙОТА, употребление «среднего Л», произношение вопросительно-относительного местоимения ЧТО как ШТ'О, ШЧ'О, Ш'Ш'О, наконец, мягкость шипящих, распространенная, по данным Е. П. Лупповой, во многих кировских говорах. Не известны абсолютному большинству вологодско-кировских говоров конструкции с формой именительного падежа отрицаемого при слове НЕТ и в количественно-измерительных сочетаниях. Многие кировские говоры характеризуются менее разнообразной типологией конструкций со страдательными причастиями прошедшего времени.

В области лексики говор характеризуется наличием ряда слов, которые как можно предполагать, также не свойственны большинству говоров Вологодско-Кировской группы, например: **зелька**—неягнившаяся овечка, козочка; **карас**—боковые укрепления у плотины; **куштан**—мотыга; **луда**—верхний слой известковой почвы; **юксы**—лыжные крепления; **юсовина**—кол с сучьями, на который развешиваются для просушки снопы и др.

Часть из указанных выше различий между исследуемым говором и другими говорами Вологодско-Кировской группы можно объяснить тем, что первоначально сама русская речь на территории Верхокамья не представляла единства, так как не было достаточно единым по своему территориальному происхождению русское население, речь которого лежала в основе формирования местных русских говоров.

Однако сводить все отличительные диалектные черты Карсвайского русского говора, не позволяющие отождествлять его с наиболее типичными говорами Вологодско-Кировской группы, только к языковой неоднородности русского населения нельзя.

В частности, расширенное функционирование форм именительного падежа, ярко характеризующее синтаксический строй описываемого говора, не может быть сколько-нибудь удовлетворительно объяснено не только по данным большинства севернорусских говоров и по данным истории языка, но и по данным истории носителей говора.

Не имея основы для своего объяснения в системе русского языка, указанные явления в то же время соотносительны с соответствующими явлениями окружающих угро-финских язы-

ков. Если при этом учесть данные истории носителей говора, то бесспорным можно признать тот факт, что широкое распространение форм именительного падежа в ряде конструкций возникло в исследуемом говоре на базе коми языка, представляя как бы своеобразные синтаксические кальки соответствующих явлений последнего.

Сказанное может быть подтверждено и некоторыми данными лексики говора, в которой встречается ряд слов, связанных, по данным проф. В. И. Лыткина, с окружающими говорами коми языка. Сюда могут быть отнесены такие слова, как: куштан—мотыга; колькыш—яичная скорлупа, юксы—лыжные крепления; юсовина—кол с сучьями, на который развешиваются для просушки снопы и нек. др.

Хотя общее количество подобных слов в исследуемом говоре и незначительно (отмечено около 25 слов), но оно показательно в том отношении, что в какой-то степени подтверждает мысль о развитии самого говора во взаимодействии с диалектами коми языка, распространенными на ближайших территориях.

В свете сказанного, в области фонетики как результат взаимодействия русского и коми языка рассматриваются в диссертации такие явления говора, как спорадически встречающиеся шепелявые мягкие свистящие и ассимиляция ЙОТА с предшествующим согласным.

Как отмечалось, морфология исследуемого говора по существу совершенно не дает фактов, происхождение которых было бы обусловлено морфологической системой коми языка. Лишь некоторые морфологические явления, как, например, употребление форм родительного падежа личного местоимения, можно рассматривать как результат взаимодействия, обусловившего в данном случае более широкую морфологическую аналогию, чем это имеет место в русском языке вообще. Но, подчеркиваем, здесь результаты взаимодействия не выходят за пределы грамматических форм, известных русскому языку.

Указанные выше диалектные явления говора, возникшие в нем, как думается, на базе коми языка, в настоящее время существуют как определенные элементы его системы. В сопоставлении с русским литературным языком и абсолютным большинством русских говоров они выступают как яркие диалектные особенности в системе исследуемого говора, ставя

последний в несколько обособленное положение не только по отношению к русскому литературному языку, но и к русским говорам ближайшего окружения, не знающих этих особенностей. «Судьба» этих особенностей, безусловно подобна «судьбе» прочих диалектных явлений: не имея поддержки ни в русском литературном языке, ни в окружающих севернорусских говорах, они будут **постепенно вытеснены** соответствующими явлениями русского литературного языка. При этом сам процесс вытеснения этих явлений, надо полагать, будет происходить заметно интенсивнее исчезновения прочих диалектных явлений, имеющих широкое распространение и во всех окружающих русских говорах. Убыстрение процесса исчезновения данных явлений в значительной мере будет связано не только с усиливающимся воздействием русского литературного языка, но и с воздействием вообще русской речи, не знающей этих явлений.

В заключение ставится вопрос о том, какую роль играл в формировании исследуемого говора удмуртский язык, распространенный не только в южной части Карсвайского района, но даже и в целом ряде селений двух из трех обследованных сельсоветов (Сизевского и Новоселовского).

Учитывая, что соответствующие говоры удмуртского языка в настоящее время находятся в большой территориальной близости к русскому говору северной половины Карсвайского района, естественно поставить вопрос, не удмуртский ли язык оказал воздействие на распространение в исследуемом говоре тех из только что отмеченных явлений, происхождение которых мы связываем с одним из угро-финских языков.

Полагаем, что на этот вопрос может быть дан только отрицательный ответ. Основания к этому следующие: во-первых, исторические данные показывают, что на территории северной половины современного Карсвайского района проживало коми-пермяцкое население и ничего не говорит об удмуртском населении, которое с давних пор занимало лишь южную часть названной территории;

во-вторых, исторические данные говорят довольно определенно о том, что современное русское население северной половины Карсвайского района формировалось в результате взаимодействия между коми и русскими и ничего не говорят об участии в этом процессе удмуртского населения;

в-третьих, тот незначительный в количественном отношении пласт диалектной лексики исследуемого говора, который по своему происхождению связан с местными диалектами угро-финских языков, относится не к диалектам удмуртского языка, а к диалектам коми языка.

Таким образом, можно думать, что русская речь удмуртского населения, находящегося в смежных с обследованной территорией местностях, со всеми теми особенностями, которые могли быть в связи со своеобразием системы удмуртского языка, в лучшем случае поддерживала те явления описываемого говора, возникновение которых мы связываем с коми языком, но не предопределяла их распространение в говоре.

Общие выводы, сделанные на основании исследования русского говора северной части Карсвайского района Удмуртской АССР, сводятся к следующему:

1. Русский говор той части современного населения северной части Карсвайского района, предки которой проживали на данной территории по крайней мере с 18 века, формировался в условиях взаимодействия русского и коми языков.

2. Взаимодействие этих языков было связано, с одной стороны, с переходом части коми населения на русский язык в результате длительных культурно-экономических связей с русскими, с другой — в частичном этническом смешении коми и русского населения.

3. В настоящее время русский говор северной части Карсвайского района по абсолютному большинству своих явлений представляет один из типичных севернорусских говоров и наиболее близок к русским говорам Вологодско-Кировской (Восточной) группы севернорусского наречия, хотя и отличается от последних рядом особенностей.

3. Как результат взаимодействия с коми языком в говоре сохраняются и до настоящего времени единичные явления, обусловленные в своем происхождении системой коми языка.

5. Выступая как своеобразные диалектные явления, эти особенности не нарушают сколько-нибудь заметно общей русской системы говора и лишь несколько выделяют его из числа тех окружающих севернорусских говоров, которые не знали столь интенсивного взаимодействия с языками неродственных систем.

207.